

ВИКТОР БАКИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ШОЛОХОВА

В Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) хранится уникальная переписка знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с уроженцем вятской земли Дмитрием Крупиным, занимавшим в тридцатые — пятидесятые годы прошлого века должность управляющего делами ЦК ВКП(б) (с 1952 года — ЦК КПСС).

Неожиданная находка

Целая подборка из 17 писем (одно машинописное, но с личной подписью писателя, все остальные написаны непосредственно рукой автора “Тихого Дона”) и 3 телеграммы (одна отправлена в День Победы – 9 мая 1945 года), адресованные Дмитрию Васильевичу Крупину, четыре отрывка из романов “Поднятая целина” и “Они сражались за Родину” (листы машинописного набора и гранки для публикации в газете “Правда”) с дарственными надписями Шолохова своему адресату и его детям – Владимиру и Тамаре, черновик речи на II Всесоюзном съезде писателей и групповой снимок Михаила Александровича Шолохова и Дмитрия Васильевича Крупина с делегатами XXII партийного съезда от Кировской области, а еще два письма Марии Петровны, супруги писателя, жене Крупина, к одному из которых приложена фотография Шолохова на рыбалке... Такая неожиданная находка обнаружена в ЦГАКО, в хранящемся здесь личном фонде известного кировского краеведа Василия Пленкова (1897–1979).

– Что представляет собой архив Пленкова? Это достаточно обширный комплекс документов, который состоит практически из тысячи дел. И каждое дело – довольно толстая отдельная папка, – поясняет сотрудник ЦГАКО Михаил Меланин. – В эти архивные папки Василий Георгиевич Пленков из года в год собирал различную информацию об исторических личностях, непосредственно связанных с Вятским краем. Это военные, партийные и хозяйственные деятели, учёные, писатели и даже народные умельцы. Собирал из общедоступных источников. Это выписки из книг, вырезки из газет и журналов, запросы в архивы, ответы на них, личная переписка с родственниками, знакомыми, друзьями известных земляков... И Дмитрий Васильевич Крупин, по всей видимости, изначально заинтересовал краеведа как активный участник установления Советской власти на юге Вятской губернии. И лишь позднее, возможно, даже совершенно случайно у них зашёл разговор о писателе Михаиле Шолохове...

Родом – вятский...

“Родился в 1895 году, родители – крестьяне села Троицкое (Кучка) Оршанской волости Яранского уезда Вятской губернии (ныне это территория современной Республики Марий Эл. – Авт.)” – так начинает свою автобиографию, также хранящуюся в ЦГАКО, Дмитрий Васильевич Крупин. А следом, уже в других воспоминаниях, озаглавленных одним словом “Детство”, подробно останавливается на первых годах своей жизни, признаваясь в неизменной любви к родному краю. Вот эти откровенные строки:

“... В день своего семидесятилетия я получил письмо от товарища по семинарии. Он напомнил мне о нашей родине и спросил, помню ли я свой край и любимую Вятку. Письмо меня взволновало...”

Вятку в молодые годы я любил особенной любовью. Когда на Вятку со всех сторон в 1918 году рвались интервенты, и каждый из них по-своему уже мечтал о нашем лесе, руде, хлебе и других богатствах моего края, во мне поднималась буря негодования против захватчиков, и мне всем сердцем хотелось сберечь её, как родную мать.

Да, я люблю свой край, свою Оршанку и родную Кучку такими, какими их сохранила моя детская память...

Край Вятский, а также и Марийская республика – обширный интересный край со своей сказочной суровой природой, её голубыми далями у трактов из вековых берёз и девственными лесами. А леса наши, насыщенные дарами природы Севера, всегда были любы терпеливому нашему народу...

Этот благодатный край имеет вполне достойных себя обитателей – они хлебосольны, радушны: “Чем богаты, тем и рады!” Детвора моего края тоже очень любит и ценит щедрые дары природы – лесную снесь: землянику, грибы, малину, чернику, костянику, орехи-лещину, а поспевающие семена черемухи считает лучшим лакомством. Нашими любимыми “фруктами” были репа, горох и брюква. Да разве всё перечислишь!

Удивительно трудолюбивый наш край, и дети там такие же труженики, как и их родители, как говорят, “от белых мух до белых мух”. Все трудятся летом, ведь один день год кормит. Лето у нас короткое, да и солнце не балует ни взрослых, ни детвору. Это и породило множество сказок, былин и поговорок... “Вятский народ хватский, знает, почём фунт лиха”.

Суров с виду вятский человек, неразговорчив, а приглядишься к нему – он полон заботы, тревоги, человечности, теплоты душевной.

От мала до велика все подельцы-кустари. Каждой породе дерева цену знают, зря не рубят. Липа с малолетства была для нас кладом, знали, что это и обувь – из лыка липы плели лапти, и ложка, и игрушка.

Ивушка весной плачет, а зимой греет. От её коры дубятся шкуры-овчины. И все это делали детские руки вместе со взрослыми, а руки у всех золотые.

Женщина в хозяйстве – это большая сила. Она несёт на себе большой труд, выращивая лен. А сколько нужно умения и сноровки, чтобы получить лён, куделю, которые в хозяйстве необходимы, а ещё сложнее получить хорошее полотно для рук и скатерть-самобранку. В былые времена из холста (новины) шили одежду, бельё и даже верхнюю одежду.

А ржаной ароматный хлеб – это трудный хлеб в нашем крае для хлебороба. Но ведь он насущный, нужный для труда, для жизни на год, и потому он уже превращается из труда в радость, ведь в труде радость...

Анализируя жизнь края в конце XIX и начале XX века, считали, что волевой вятский народ давно привык к земской самостоятельной жизни – расширяли сеть земских школ, учительских семинарий, фельдшерских и ветеринарных училищ и фармацевтических школ. Крестьянство стало прививать самостоятельно высокую культуру на средства земства, но все эти преобразования шли туго...

Светлую память оставила о себе моя первая учительница Мария Петровна Рокина. Она была с очень большой красивой душой, начитана и для того времени довольно образованная. В класс она приходила с интересными фантастическими книгами, подолгу рассказывала об Икаре, Жюлье Верне и других замечательных людях, о русских исследователях. Как её ученики, так и их родители называли её за глаза не иначе, как только ласково “наша учителька Марьюшка”, а матери ещё прибавляли “её, рожоную в большом табуне, сразу выберем”. Она была подлинно народной учительницей, и все шли к ней за советом.

Когда подросток превращается в юношу и уже начинает мыслить по-взрослому, то у него есть свои положительные герои, похожим на которых он хочет быть. Так было и со мной. Мне хотелось подражать моей учительнице, когда и я буду учителем, и надо сказать, что впоследствии мне это удалось.

Получив начальное образование, я учился в Сернурском училище. В эти годы первыми моими думами о своём жизненном пути были думы о выборе профессии, чтобы быть полезным народу.

Учился я с рвением, всё мне было интересно. Школу закончил успешно. Родители против моего образования не возражали и привезли меня в слободу Кукарку, где я успешно поступил в учительскую семинарию.

Трудно было деревенскому пареньку учиться в незнакомом посёлке, далеко от родителей. Да и материальные затруднения давали о себе знать. Но с малых лет я был приучен к труду. Я не растерялся и стал работать кухонным рабочим в столовой нашей семинарии. В старшем возрасте давал уроки ученикам в качестве репетитора. На старшем курсе в семинарии мне была положена стипендия 5 рублей в месяц.

Хотя Кукарка в ту пору была захолустьем, удалённым на сотни вёрст от железной дороги, всё же жизнь и учёба проходили там интересно, и было это благодаря нашим преподавателям семинарии, людям чутким, с прогрессивными мыслями. Им же я обязан знакомством с произведениями таких великих революционных демократов, как Белинский, Добролюбов и Чернышевский, а кроме того, я увлекался Л. Н. Толстым. Это ещё больше открыло мне глаза на жизнь и положение простого народа.

В 1912 году я закончил семинарию...

Война, революция, мирная жизнь...

Самостоятельную взрослую жизнь начал Крупин на Дальнем Востоке – работал учителем начальной школы и двухклассного училища в Хабаровске. Затем Юго-Западный фронт: воевал против австро-германских войск. После февральской революции начал агитационную работу в своём полку, вступил в ряды РСДРП. Как активный член полкового комитета, в переломные октябрьские дни свергал военных и гражданских ставленников Временного правительства Керенского.

В декабре 1917-го вернулся на родину. И здесь активно включился в революционную работу: при организации советских органов власти был избран первым председателем сельского, следом волостного Совета, потом первым председателем уездного исполкома и заместителем председателя губисполкома. С июля 1918 года снова сел в седло: командовал красногвардейским отрядом по подавлению кулацко-эсеровских восстаний в Уржумском, Нолинском и Яранском уездах Вятской губернии.

С мая 1919-го – в действующей Красной армии: сначала на Восточном фронте воевал против Колчака, затем на Северо-Кавказском фронте был военкомом и членом Реввоентрибунала, а последние два армейских года – старшим инспектором политуправления Реввоенсовета республики.

Дальше – советская и хозяйственная работа. В Вятской губернии – директор бумажного треста, председатель Уржумского уездного исполкома. В период сплошной коллективизации – председатель Кубанского колхозсоюза, директор Кубанского сельхозинститута технических культур.

В течение двух лет (1937–1938) Дмитрий Васильевич Крупин работает секретарём Ростовского обкома ВКП(б). Избирается депутатом Верховного Совета РСФСР по Миллеровскому избирательному округу. Возможно, именно в это непростое предвоенное время и произошло его знакомство с уже известным советским писателем Михаилом Шолоховым, с годами переросшее в настоящую многолетнюю мужскую дружбу.

Добавлю ещё, что в период Великой Отечественной войны наш земляк был одним из руководителей Центральной комиссии по сбору тёплых вещей для армии, а в пятидесятые годы занимал высокую должность управляющего делами ЦК КПСС.

Письма периода войны

Представив читателю адресата Шолохова, вернёмся непосредственно к переписке. Семь писем писателя относятся к периоду Великой Отечественной войны. Причём самое раннее из них датировано 29 июня 1942 года.

Вот эти послания:

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Ещё раз большое спасибо за ту радость, которую Вы доставили моей семье. Сейчас мне ничего не нужно, всё есть в избытке. Недели через три, если можно, пришлите что-либо из фруктов, и это – всё. Крепко жму Вашу руку.

М. Шолохов.
29. VI. 42

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Большое спасибо за всё. То, что привёз от вас, почти всё оставлено в Вёшенской во время бомбёжки. Но это всё – гори бы с ним. Навсегда оставил там мать, убитую немецкой бомбой.

Если будет возможность, пришли, пожалуйста, папирос, сухого вина, консервир[ованных] фруктов (без последнего можно прожить). Если кто будет ехать от вас[,] пусть захватит у [слово зачёркнуто] (тогда позвони ему сам) одну штуку, которую я прошу у него. Крепко жму руку, обнимаю.

М. Шолохов.
15. VII. 42

Думаю, будет уместно напомнить читателю, что в самом начале 1942-го Михаил Александрович едва не погиб: самолёт, на котором он летел в Куйбышев (ныне это город Самара), при посадке потерпел серьёзную аварию. Писатель получил тяжелейшую контузию, но, как заметил Поже в письме жене, “кое-как выхромался...” Впрочем, ещё долгое время Шолохов практически ничего не мог есть – любая пища вызывала у него рвоту.

И тем не менее, он работает – работает напряжённо: 22 июня, в годовщину начала войны, газета “Правда” печатает его рассказ “Наука ненависти”.

Ну, а 8 июля случилась трагедия: в Вёшенской погибает мать писателя, Анастасия Даниловна, – во время налёта вражеских самолётов бомба упала во двор, снесла все хозпостройки и крупными осколками страшно изуродовала пожилую женщину. При этом практически полностью был уничтожен и архив писателя.

Следующие два письма относятся к третьему году войны.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Доехали мы с т[оварищем] Пановым хорошо и без происшествий, если не считать того, что в дороге придавил меня грипп, да так основательно, что в Саратове пришлось вызывать врача (благо, что стояли там 1½ суток). Даже сейчас побаливает голова, но понемногу прихожу в норму и, видимо, скоро засяду за работу, ту самую, о которой говорил [слово зачёркнуто]. Предстоящая работа меня захватывает. и думаю, что послужу нашему делу с честью.

Весь мой народ – большой и малый – горячо благодарит тебя за всё, что ты сделал для нас, и просит меня обнять тебя за них, что я охотно делаю, хотя теперь нас с тобой и разделяют многие сотни километров.

О дальнейших моих жизненных планах я тебе напишу, как только оформится в сознании костяк задуманной книги и хоть что-нибудь сделаю для начала. Не исключена возможность, что м-ца через 1½ – 2 придётся снова приехать в Москву, чтобы оттуда напрямик дунуть на фронт.

Панов выезжает в Москву завтра. Вместе с ним едет мой родственник, военврач Кириллов, который вручит тебе это письмо.

По поводу Кириллова обращаюсь к тебе со следующей просьбой: Кириллова, как оказывается, нач[альник] Военно-Санитарного Управления т[оварищ] Смирнов решил отчислить в резерв. Ему придётся работать в одном из тыловых госпиталей. Нельзя ли перевести его в один из уральских госпиталей (их здесь несколько и обслуживают они раненых, поступающих с ближайших

фронтов). Нужда во врачах здесь огромная, а мне это было бы весьма с руки потому, что сей доктор и меня многократно лечил от всяческих болезней, и ребяту у жены принимал, так что в случае нужды, когда до Кремлёвки не дотянешься, хоть будет к кому обратиться. Как-никак — свой врач в семье, а своему ведь всегда больше веришь. Пожалуйста, позвони т[оварищу] Смирнову. Ему-то, вероятно, всё равно, где бы подчинённый ему Кириллов ни резал, лишь бы хорошо резал, а нашим, живущим “...на краю Руси обширной, вдоль уральских берегов”, — это обстоятельство весьма важно.

Передай от меня поклон и добрые пожелания жене и Тамаре, а Володюшку расцелуй за меня в маковку. Парень он — настоящий! Больничное яблоко-то так и осталось лежать в столе, в номере “Националя”. Беда со старческой памятью!

Ну, будь здоров, дорогой Дмитрий Васильевич! Крепко обнимаю тебя и жму руку. Ещё раз — спасибо за всё.

Твой М. Шолохов
2 января 1943 г.
п. Дарьинск

Дорогой Дмитрий Васильевич!

После долгих мытарств сейчас всем колхозом находимся в Камышине. А начались эти мытарства с 20-х чисел октября, когда, приехав на разведку в Николаевку и поговорив с секретарём РК, я, как говорится, с “приятным изумлением” обнаружил, что ни Чуянов, ни Прохвятилов никому из николаевцев ничего не сказали о моём <готовящемся> переезде, что квартиры нет и в помине и пока не предвидится и что вообще мой приезд — нечто вроде снега на голову...

Не теряя времени, отправился в Камышин в надежде, что авось по ошибке предупредили камышинского секретаря, а не николаевского. Но и тут оказалась такая же история: никто ничего и сном-духом не знает.

Зимовать всё же решил я на Волге. И вот пока в Камышине готовили квартиру, пока грузовые машины шли из Камышина в Уральск, а я, вернувшись в уральские степи, томительно бездельничал, с часу на час ожидая прихода машин, прошло 2 недели, и только 10/XI мы выехали, а тем временем выпал снег, потом пошёл дождь и с полпути пришлось не ехать, а ползти по грязи и всячески бедствовать. Словом, это время мы целиком и полностью подошли под рубрику тех, о ком в своё время в церквях молились, как о “...плавающих и путешествующих”.

Ещё в цветущем, солнечном Казахстане схватил я какую-то свирепую азиатскую ангину, ехал лежа в машине с жесточайшей головной болью, отлеживаюсь и сейчас, но уже в состоянии и работать помалу и поворачивать голову по-человечески, а то был, как волк: чтобы оглянуться, приходилось поворачиваться всем корпусом.

В Камышине устроились хорошо. У меня даже отдельная рабочая комната есть, чего не было, к сожалению, с 41 г. И вот теперь я — счастливый и довольный — сижу в одиночестве и, словно кочевник, впервые вкусивший сладкого яда культуры, — с наслаждениемзираю на настольную электролампочку. Что там ни говори, а она, подлая, лучше любой керосиновой “молнии”!

Сейчас стоят длинные ночи, настала самая рабочая пора для меня, и не знаю, когда придётся быть в Москве. Может быть, в январе, а если Светлане удастся побывать у нас во время зимних каникул, то и позднее!

Книга моя медленно идёт к концу, но зная по опыту, как к концу невольно теряешь первоначально взятый разгон, — не тешу себя зряшными надеждами и думаю, что ещё полгода мне над ней сидеть да сидеть!

Большая просьба к тебе, Дмитрий Васильевич, пришли папирос, сахару и кофе, если есть у вас этот заморский продукт. Табачком обнищал окончательно, даже 15 стаканов тамбовско-кирсановской махорки, купленной по дороге из Москвы, покурил; с помощью добрых людей, конечно! Сахару в доме нет, а кофе твои хозяйственники прошлый раз отпустили ровно в количестве 100 гр[аммов]. Цифра эта, безусловно, неплохая, особенно в жидком виде и перед обедом, а что касается кофе в таком количестве, то мы долго думали с Мар[ией] Петровной: когда и как его употребить (распределяли примерно так, как немецкий солдат распределял свой суточный табачный паёк из трёх сигарет), словом, нет этого бедного кофе, не залежалось оно!

Посылку можно направить самолётом или поездом на Сталинградский обком, а они перешлют мне, или же я по получении пошлю за ней машину.

Спасибо за внимание и помощь Светлане. Передай от всех нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вове. Крепко жму руку и обнимаю тебя!

Твой М. Шолохов.

Р. С.: С отрывком получилось очень плохо. Я отлично понимаю, что “Правда” – не литературная газета, но раздробили они так, что я, прежде чем посылать в газету новый отрывок[,] ещё подумаю, стоит ли? И не начинать ли прямо с журнала?

М. Ш.
25/XI-43

Сделаю небольшое пояснение: в конце своего письма Шолохов сетует на публикацию в газете “Правда” глав нового романа “Они сражались за Родину”, которой он, по всей вероятности, был не очень доволен.

Камышин
19. III. 44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Сталинграде, провожая Светлану, написал тебе письмо, но отдать Светлане забыл, да так и провозил его в кармане две недели. На днях вернулся из поездки по Дону. В Вёшенской побывать не удалось – застала в дороге весна, и речушки стали непроездны. Вернулся из ст-цы Кумылженской. Но зато полностью осуществил “программу” и побывал на той стороне Дона, на местах прошлогодних боев (Сиротинский плацдарм – Клетская). Год прошёл с той поры, как отгремели там последние выстрелы, а всё вокруг ещё дышит войной: в развалинах стоят хутора и станицы, ещё не заросли травой воронки от бомб и снарядов. Повсюду степь изрыта – окопы, ходы сообщения, блиндажи и дзоты, но время уже кладёт “печать забвения” на все это. Странно выглядит, например, разбитый немецкий танк в глухой теперь степи: люки открыты, внутри танка насыпью лежат расстрелянные пулемётные гильзы, вокруг валяются неиспользованные снаряды, куски изорванной взрывом гусеницы, а на башне танка густо лежит птичий помёт... Ржавеющее под дождём стальное чудовище стало приютом для степных птиц. Я влез на танк и обнаружил на башне шерсть и косточки полевой мыши; видимо коршун или кобчик устроили там себе столовую и наблюдательный пункт...

Наши трофейщики пока ещё не в состоянии собрать всё это имущество, и разбитая вражеская техника “используется” птицами для своих целей. Да и не только немецкая техника не свезена со степей. От Михайловки до х[утора] Левина видел два наших исправных (внешне) танка. Там боёв не было, но к Дону двигалась одна наша танковая армия, и эти два тяжёлых танка брошены, видимо, из-за неисправности моторов. Пора бы, кажется, взять их в дело, а вот стоят на грейдере и ждут хозяев... Я вспомнил, с каким дьявольским трудом, под огнём противника наши эвакуаторы вытаскивают с поля боя повреждённые машины, зачастую искалеченные, а тут этакое пренебрежение, и как-то невольно стало грустно. Одной рукой экономим, а другой преступно расточительствуем.

Очень сложно сейчас в районах. Готовятся к севу, а основной клин – просо. Ты знаешь, какая это ехидная культура, и тревога за уборку у народа весьма законная. А с пшеницей – плохо. Ну, да обо всём этом расскажу при встрече. Очень интересные цифры, и тебе как старому сельскохозяйственнику они будут весьма понятны. Был ли ты в Кремлёвке, и как твой камешек? Светлана рассказывала, как врачи на тебя устраивали облаву, а ты успешно спасался от них в недрах ЦК. Это здорово меня развеселило! Я решил следовать твоему примеру и сейчас не ехать в Москву, т[ак] к[ак] нужды в этом не испытываю и после поездки уже сел за работу. Думаю быть в вашем хорошем городе не раньше мая, при условии, если меня не подведёт Мария Петровна (она всё что-то киснет). А я, даже проделав 700 км по совершенно немислимой дороге, чувствую себя хорошо (к собственному удивлению и радости) и вполне работоспособно.

В апреле, может быть, пошлю тебе и в печать новый отрывок. Ну, вот написал тебе и вроде как в гостях у тебя побыл, и даже во рту осталось ощущение, как будто вашего хорошего чая с лимоном выпил...

Крепко обнимаю тебя, желаю здоровья. Передай от нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вовке от меня – особый.

Оторви из блокнота листок и напиши несколько строк, что я, мол, жив и здоров и тебя, Шолохов, приветствую. Что-нибудь в этом духе, хотя и коротко, я и этому буду рад.

Твой М. Шолохов.
Камышин, Сталингр[адская] набережная, 74

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Ты, безусловно, прав в своих предположениях – муза переехала из Камышина вместе со мной, но вся беда в том, что она у меня существует по старинке и до сих пор не механизирована, а потому мы с ней и отстали от тех, которые сражаются за родину, на 2 года во времени и на 2 тысячи километров в пространстве...

Утешаю себя тем, что кляча – муза моя, а я ещё почти добрый молодец, но что будет через 20 лет, когда и я стану клячей? Куда мы тогда дотащимся? Думаю, что не дальше Ваганьковской трамвайной остановки.

Но пока я так “возвышенно” размышляю[,] жизнь диктует мне не стихами, а грубой прозой: нет краски для того, чтобы закрасить иссечённую осколками крышу, стекла хватило с трудом лишь на одни рамы, а на зимние – нет... И вот я уже, отбросив к чёрту чистое и святое искусство, пишу слезницу Петухову, а тебя прошу поддержать моё вымогательство, ибо всем людям, а также и музам свойственно зимовать под тёплой крышей и в доме по возможности утеплённом.

Когда же ты приедешь в наши края? Сейчас ловится в Дону и Хопре роскошная, прямо-таки старинная стерлядь, в поле множество куропаток. Приезжай, пожалуйста, хоть на несколько дней! Покупаешься в Дону и чудесно отдохнёшь. А отсюда я сопутствовал бы тебе до самой Москвы. Напиши, когда ждать, и ждать ли?

В Ростове я ещё не был. Работаю. Послал Чагину письмишко, т[ак] к[ак] нужны деньги и пора уже закабальяться. К концу года думаю кончить роман, а то может выйти весьма конфузно и обидно: на полях сражений война закончится, а я в грустном одиночестве всё ещё буду проливать чернильную кровь на бумаге...

Наши все кланяются тебе и просят передать привет Мар[ии] Георг[иевне], Тамаре, Вове.

Обнимаю и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов
Вёшенская
13. VIII. 44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (в Москву вручать подарки подшефной Вёшенскому р-ну кавшколе едет наш человек), шлю привет, поздравляю с великим праздником и вместе с приветом посылаю “плоды охотничьих трудов” – несколько вальдшнепов. Дичь эта превосходная, и в Москве её не найдёшь. Прикажи зажарить к 1 Мая и за рюмкой водки вспомни про охотника. Мар[ия] Петровна от себя шлёт донских помидоров <и огурцов> собственного засола.

Работаю, на досуге охочусь и уже успел поневоле искупаться в Дону. Во время поездки 21/4 ухитрились перевернуться на быстрине. Вода чертовски холодная, тонул, но не утонул, выплыл в ватнике, ватных штанах и огромных охот[ничьих] сапогах на островок с комнату величиной. Часа через полтора нас (меня и ещё двух охотников) подобрали и совершенно замёрзших доставили в станицу. Два стакана спирта согрели, и сейчас чувствую себя отлично, даже насморк прошёл... Ружьё утонуло, один сапог снял в воде, когда плыл, но, к счастью, всё это потом рыбаки выловили кошками. Теперь думаю ещё 100 лет жить!

Большая просьба к тебе, дорогой Дмитрий Васильевич: пришли с этим человеком пачек 50 папирос и сухого вина (белого) бутылок 10. А если к этому ещё добавит бы 2 б[утылки] коньяку, то больше ничего и не надо! В июне буду в Москве и погашу задолженность.

Все мы шлём тебе, Мар[ии] Георгиевне, Тамаре и Вове поклоны и добрые пожелания.

*Жадно жду, когда накроется Берлин, и боюсь только одного, что под такое торжество нечего будет выпить.
Крепко жму руку.*

*Твой М. Шолохов
26. 4. 45*

— Практически все письма носят бытовой, жизнеописательный характер, — комментирует переписку двух хорошо знакомых людей сотрудник ЦГА-КО Михаил Меланин. — Шолохов рассказывает о своей жизни, делится впечатлениями от поездок, сообщает новости об общих знакомых, просит об услугах, приглашает в гости, пишет о радостях и горестях, благодарит за гостинцы и, в свою очередь, посылает охотничьи трофеи с рекомендациями, как их приготовить. Письма производят однозначное впечатление, что Михаила Александровича и Дмитрия Васильевича связывали действительно неформальные дружеские отношения.

На память – главы из романа

Помимо писем, посылал писатель своему товарищу во время войны и отрывки из романа “Они сражались за Родину”, которые готовились к печати. Так, на гранках из газеты “Правда” он сделал следующую дарственную надпись:

Д. В. Крупину – с большим дружеским чувством оставляю этот кусок как залог того, что новый роман о войне будет дописан автором, который сидящего Крупина искренне любит и питает к нему наилучшие чувства.

М. Шолохов.

Р. С. Даже здесь не обошёлся без поправки... Такова уж писательская океанная природа.

*М. Ш.
10. 3. 43.*

На другом отрывке романа дарственная надпись сделана Шолоховым уже детям Крупина:

Дорогим Тамаре и Вове Крупиным с дружеским приветом от автора.

*М. Шолохов.
15. 3. 43.*

Десятилетие спустя очередная дарственная надпись Шолохова сделана уже на гранках романа “Поднятая целина”, отрывки из которого также готовились к публикации в газете “Правда”:

Д. В. Крупину. Накануне Нового года с грустью вижу, как мало у меня осталось настоящих, истинных друзей. “Иных уж нет, а те – далече...” И тем с большей радостью дарю этот пахнущий типографской краской кусочек действительности 30-х годов одному из самых дорогих друзей, сумевшему обогнать меня в жизни на десять лет.

С любовью и добрыми дружескими чувствами

*М. Шолохов.
Москва.
31. 12. 55.*

И ещё один автограф Михаила Шолохова Крупину на рукописи “Поднятой целины”:

Дорогому Дмитрию Васильевичу Крупину с госпитальной улыбкой.

*М. Шолохов.
11. 4. 57.*

В фонде краеведа Пленкова сохранились и три телеграммы, которые знаменитый писатель в разные годы посылал своему товарищу в столицу из станции Вёшенской.

Вот они:

9 мая 1945 года

КРУПИНУ ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБЕДОЙ КРЕПКО ОБНИМАЮ = ШОЛОХОВ

6 ноября 1955 года

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ЮБИЛЯРА ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ПРАЗДНИКОМ ОКТЯБРЯ ОБНИМАЕМ И ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ = ШОЛОХОВЫ

8 ноября 1956 года

Срочная телеграмма

САМОГО БЛИЗКОГО СЕРДЦУ ДРУГА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ КРЕПКО ОБНИМАЮ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = ТВОЙ МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Послевоенные послания

Война закончилась, а переписка продолжается. Публикуем письма Шолохова, сохраняя орфографию и пунктуацию автора. Расшифровка сокращённых слов по-прежнему даётся в квадратных скобках, зачёркнутые слова заключены в угловые скобки.

Вёшенская

14. 4. 46

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Как и было условлено, – за лесом для строительства больницы и школ направляем т[оварища] Асеева и двух сопровождаемых. Для получения пиlorамы одновременно с Асеевым едет наш зав[едующий] лесхозом т[оварищ] Душко и механик. Большая просьба к Вам, чтобы т[оварищ] Степанов помог им в устройстве с билетами. Хуже обстоит дело с локомотивом (прилагаю письмо парторга ЦК Сызранского локомотивного завода). Если Вам не удастся склонить т[оварища] Качанова на это доброе дело, – мы полетим в трубу к чёртовой матери. Чем-же “двигать” пиlorаму? Истинное горе с этим строительством... А насчёт локомотива – вся наша надежда на Вас.

Часть груза, который надо получать в Ростове, отправляем Доном, в целях экономии горючего. Лес из Брянска тоже думаем довести до Лисок, а оттуда водой. Но всё же бензин нам потребуется. Не забудьте и об этой нашей нужде, ради бога!

Про цемент пока что-то не слышно, ждём вестей от Вас.

Вот как будто и всё, что касается наших строительных дел. Остальное всё в ближайшие дни получим в Ростове и доведём до Миллерово, а оттуда, как только разбогатеем бензином, перебросим на автомашинах, т[ак] к[ак] Донское госпароходство не берёт всего груза (они предполагают за навигацию отправить из Ростова вверх всего лишь один пароход).

Что касается моего строительства, то тут уж я целиком завишу от Вас. Не сочтёте ли Вы возможным послать в Вёшки знающего человека, чтобы он помог выбрать место сообразно строит[ельному] плану и чтобы он прикинул, что из имеющихся строений и старого дома можно использовать для переноски хаты в Букановскую. Специалистов по этой части у нас нет, а я в этих делах разбираюсь не больше чем, в китайской грамоте.

Вся поездка у него заняла бы буквально считанные дни, а для меня это было бы весьма важным делом.

О себе почти нечего сказать. Пишу, охочусь. Плоды трудов на последнем поприще посылаю. Вальдшнепы в этом году летят не ахти как здорово, но в поте лица за день хождения по придонским лесным дебрям можно кое-что добыть.

Очень прошу поручить хозяйке как следует их зажарить, а Вам выпить под эту королевскую дичь стопку за здоровье стареющего, но неутомимого охотника.

К слову: в поезде Москва–Ростов с рук продают чахлые пирожки и водку. И тут такая курьёзная деталь для писателя-юмориста: продавщица не говорит обычное: “А вот кому... не угодно-ли”. Нет, она с деловитым видом открывает дверь купе и вопрошает: “Граждане! Кто забыл выпить сто грамм?”

Такой сервис по-ростовски меня просто растрогал!
Весна у нас скучная. Идут дожди, мешают сеять. Пахать только что начали и то на серопесках. Очень много уполномоченных обкома, и старики качают головами и говорят: “Ну, это к неурожаю...”

Наши всем Вам низко кланяются. Передайте от нас сердечный привет Марии Георгиевне, Тамаре, Вове, который говорит басом.

Обнимаю Вас и крепко жму руку.

Ваш М. Шолохов.

P. S.: Если решите послать кого-либо из строителей ко мне, – пошлите скорее, т[ак] к[ак] в конце апреля хочу съездить в Казахстан.

М. Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

О строительных делах Вам доложит т[оварищ] Яровой, который всё здесь рассматривал и всюду ходил своими немолодыми ногами.

Надо бы всё это делать поскорее, хотя бы с таким расчётом, чтобы к зиме 47 г. войти мне в новый дом.

Этот год я как-нибудь проживу. Но, признаться, страшно надоело жить цыганской жизнью. Поверьте, что это не способствует и творческой работе.

Прошу Вас ускорить дело строительства дома, присылки материалов.

У нас плохо с урожаем, очень плохо! Так же обстоит и с кормами, и с огородами, и с бахчами. Словом, кругом плохо. Надо полагать, что к весне будет ещё хуже; только тем и “утешаешься”, что всё плохое – ещё впереди...

Пожалуйста, перешлите по назначению генеральские перчатки. Он их “утратил” в вагоне. Передайте ему от меня сердечный привет.

Я и наши кланяемся всем Крупиным. Вас я обнимаю и желаю всего самого доброго!

Ваш М. Шолохов.

3. VII. 46.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Ростов я не поехал. Крепко жду Вас в Вёшки.

Вы знаете, как все мы любим Вас и какую огромную радость Вы нам доставите, подлетев в Вёшки хотя бы на денёк.

Обнимаю Вас и жду.

Ваш М. Шолохов.

P. S.: Письмо т[оварищу] Постнову оставил у т[оварища] Полуэктова.

М. Ш.

29. I. 47.

Дорогой мой Дмитрий Васильевич!

Хотел заехать, но – “долгие проводы – лишние слёзы”. Не хочу мешать Вашему лечению...

Поймите, как дороги Вы сердцам тех, кто Вас знает и любит, и Вы почувствуете, что я от своей мысли – быть у Вас в Нагорном – отказался не без сожаления.

Ждём Вас в Вёшенской. Ждём, любим и с тревогой будем следить за Вашим пребыванием в Нагорном.

Ваш М. Шолохов.

3. 7. 47.

P. S.: Уезжаю, а на сердце что-то сосёт...: не хватает обычного круга друзей. Скорее поправляйтесь!..

М. Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (приезд т[оварища] Волкова), – шлю Вам сердечный привет и добрые пожелания.

На пути из Кисловодска в Москву заезжайте в Вёшки. Стерлядь в одном заповедном месте не ловим, храним до Вашего приезда.

Подумайте, как хорошо сварить уши на “диком берегу” Хопра, искупаться и пообедать в таком месте, где души человеческой нет на десять вёрст в округе! Съэкономьте тройку дней, и этот блистательный план будет осуществлён.

Передайте от меня привет нашему соседу – Е. И. Смирнову. Если случится – помяните и меня добрым словом, а то у меня – сухой закон: работаю, невзирая на проклятую жару. Крепко Вас обнимаю и желаю абсолютного здоровья.

Ваш М. Шолохов.
18. 7. 47.
Миллерово.

Р. С. : А Миллеровским пилотам обмундирования так и не выдали... Они ждут последнего слова от Вас.

М. Ш.

Дорогой товарищ Крупин!

Через Ваше посредство обращаюсь к ЦК родной партии со следующей просьбой: как Вам известно, – мой сын женат на дочери члена Политбюро Болгарской компартии А. Югова. В настоящее время они находятся в Болгарии и через месяц должны быть в Москве, чтобы приступить к учёбе в Тимирязевской С/Х Академии, где они завершают учение на 4 курсе Академии. Министр т[оварищ] Югов получает не так много денег, чтобы обеспечить прилёт наших детей в СССР. Как писатель великой державы, – к тому же бывший в Болгарии, – считаю для себя унижительным и неприемлемым обращаться за денежной помощью к кому-либо, кроме Вас, и прошу о следующем: на моём текущем счету за переводы моих книг в Англии и Америке во Внешторгбанке имеется семьсот (с чем-то) американских долларов, не откажите в товарищеском одолжении – исхлопочите возможность перевода суммы, равной в переводе на наши рубли 1800, чтобы мои ребята могли долететь до Москвы, не прибегая к помощи болгарского родителя.

С уважением к Вам

(подпись) /М. Шолохов/
8. 7. 51 г.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Две больших просьбы к Вам.

1. Пожалуйста, пришлите открытый лист на этот год, иначе никуда не выеду. (Обычно выдавали мне на 6 тонн и – соответственно – смазочных масел).

2. Если это не обременит, скажите, чтобы послали мне от щедрот комбината питания килограмм по 8 гороха и фасоли и по столько же яблок и, если есть, апельсинов + лимонов 20 шт[ук].

У нас ничего этого нет и в помине, а то я не стал бы Вас тревожить подобной просьбой. Пусть укажут стоимость посланного в переводе. Деньги немедленно перешлю.

Коротко о себе: сию, упорно работаю, в марте сдам первый кусок “целины” с тем, чтобы печатать в “Октябре” без перерывов. Многое приходится (в который уже раз!) переделывать. Хочется отшлифовать так, чтобы каждая строка звенела, а то скажут, что на съезде призывал к высокому качеству, а сам даёт сырьё...

Кстати, за этот м-ц получил в связи со своим выступлением более тысячи писем, и что интересно – из них только четыре ругательных, а из них – три анонимных и лишь одно с подписью и обратным адресом...

На Дону у нас стоит гнилая зима. Температура -2, +2. Дон разлился, затопил пойму, как весной; стога сена плавают, и никак к ним не доберёшься.

Через Дон ходит паром; снега на полях нет, а тот, что был (очень малый), – весь в ярах и балках. Сейчас уровень воды выше прошлогоднего весеннего. Одним словом, черт знает, что за зима. Такой и старики не помнят! Я и Мария Петровна кланяемся и обнимаем Вас и Ваших близких.

Передайте от меня привет Ефиму и Кабашкину – людям, к которым лежит моё сердце.

Ваш М. Шолохов.
31. 1. 55.
Вёшки.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Посылаю с сыном эту писульку. Полагая, что Вы получили уже моё письмо, хочу внести в него одну поправку: фасоли не надо, появилась на базаре.

У нас так плохо со всей этой чертовщиной, что я, длительно переболев каким-то вирусным гриппом, тянусь к растительной пище, и очень прошу Вас помочь мне в этом. Апельсины – хрен с ними! Мы с Вами с детства не знали их вкуса, а вот горох и яблоки – тоскую!

И ещё одно: ускорьте высылку открытого листа. Я – уже в “бензиновых” долгах, а вскоре предстоит перевозка дров на отопительный сезон 55-56 гг.

Обнимаю Вас и желаю всего доброго!

Ваш М. Шолохов.

6.2.55.

Уральск

27.9.56

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Сожалею, что не удалось застать Вас сегодня по телефону, но надеюсь, что Петухов передал Вам мой дружеский привет и сердечное спасибо за то, что добыли и пришлётё мотор.

Кстати, очень прошу Вас о том, чтобы мотор отгрузили пассажирской скоростью, иначе я его не дождусь.

В этом году мне явно не повезло с техникой: уже после того, как получил от Вас покрышки, – лопнула у обода вторая. А первую нельзя в Уральске – заштатном городе – завулканизировать, т[ак] к[ак] нет в городе (всего 3) машины ГАЗ-63, и покрышки вулканизируют только в Саратове...

Что касается моих писательских дел, могу сказать одно: не очень преуспеваю. Трудно в полевых условиях “творить”... Ветер треплет палатку, за ней – дождь, слякоть, мерзость. Сидеть приходится по-восточному, словом, отнюдь не “творческие” условия...

Пишу очерк для “Правды” и “Сель[ского] хозяйства”. Грустные здесь дела! Копию пошлю Вам, почитайте.

Охота в этом году сложная. Такие массивы заняты были под хлебом, что гуся никак не угоняешь. Но кое-что уже настреляли, а вскоре подойдёт казара, и тогда добавим ещё.

На этот раз решил я побаловать моих дорогих московских друзей свежей дичиной раньше обычного срока. В ближайшие дни с Уральского мяскокомбината на Ваш адрес будет отправлена посылка самолётом в 2-х ящиках. Посылаю Вам 2 тушки сайгаков и 6 гусей. Прошу распределить их следующим образом: одного сайгака разделите Вы с Крюковым, второго пусть разделят Петухов с Кабашкиным. Что касается гусей, то вот Вам список:

1. Крупин
2. Кабашкин
3. Крюков
4. Петухов
5. Троицкий (ваш, из хоз[яйственного] отд[ела])
6. Смирнов Е. И.

Бешбармак из сайгака готовится следующим образом: мясо очищается от костей, режется мелкими кусками, варится в малом количестве воды (чтобы был не суп, а “сурпа”, как здесь называют), добавляют по вкусу луку, соли и перед едой ставят на стол бутылку водки (желательно “Столичной”). Вот и весь рецепт. Картофель не кладут, а взамен его тонко раскатывают пресное тесто (как на лапшу) и рвут его пальцами на небольшие кусочки, и засыпаю[т] в сурпу). Известный кулинар и гурман Кабашкин может изготовить такой бешбармак, что пальчики оближешь. Обнимите за меня этого будущего бешбармачника с мускулистыми бровями.

Шлём с Мар[ией] Петровной Вам, Марии Георгиевне, Тамаре, Вове и всем вашим близким наш сердечный привет из далёкого Казахстана и желаем всего доброго.

Поклон от меня всем упомянутым в списке. Перову гуся привезу и вручу лично.

Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и желаю здоровья и бодрости.

Ваш М. Шолохов.

Стокгольм

4. 6. 57

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (сегодня летит в Москву т[оварищ] Еськов), пишу Вам о первых впечатлениях о Скандинавии. Хорошая страна и хороший, трудолюбивый, но зажиревший народ. Свежие овощи и фрукты едят круглый год, так как, используя свой огромный торговый флот, везут овощи и фрукты со всего света. Сейчас, например, ввозят бананы, черешню, груши, яблоки, даже молодую картошку и помидоры и пр[очее] из Аргентины, с Канарских островов, из Индии и Японии. Чёрт знает, откуда только не везут, и всё это стоит дешево.

Говорят, что страна продаёт фрукты населению иногда себе в убыток, заботясь о здоровье нации. Возможно, что это и отвечает действительности. Но им хорошо, чёрт бы их побрал, не воев[ав] 150 лет, наживаясь на чужих войнах, этак роскошно жить. Попробовали бы так, как мы...

Наряду с этим очень дорог труд. Всякий труд дорог. Хорошо зарабатывают строители, даже чернорабочие; но питание – дорого, в частности – мясо. В этом отношении Швеция – страна диких контрастов: бананы стоят 3 кроны кил[ограмм], а мясо – 15. Побриться берут 7 крон, а рубашка стоит 15–20, и т[ак] д[алее].

Наше представление о могуществе доллара и вообще золотого рубля здесь ставится вверх ногами. Побриться – 1 1/2 доллара, каково это? И такое сопоставление, как стоимость мяса: у нас 15 р[ублей] и здесь 15 крон; у нас верхняя рубашка 300 р[ублей] и здесь 15 крон. Просто в голове не укладывается...

Баснословно дорога вся техника. Приведу несколько примеров: в Швеции никто из наших не имеет телевизоров. Дешёвенький стоит 1800–2000 крон. Паркеровская ручка – 200 крон, бинокль – 700, даже перочинный нож – 18–22 кроны. И в то же время сносные ботинки стоят 30 крон, уборщица зарабатывает 600 крон... Голову сломаешь, разыскивая эквиваленты!

Спокойно и размеренно идёт здесь жизнь в промышленности, с/х-стве, строительстве. Дети в парках чинны и бесшумны. Чистота всюду, очень красиво, но всё чужое до тошноты! И уже тянет домой. Нет, видно, по “заграницам” ездить другим, а я, как и прежде, скоро скажу: “Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!” Русский я до мозга костей и никакие чужие красоты и прелести не променяю на свою степь, на подмосковную, милую сердцу красоту.

Встречает меня шведская общественность чрезвычайно тепло. Со страниц газет всех направлений не умолкают голоса о присуждении мне Нобелевской премии. Даже наши враги говорят об этом. Что ж, пусть присуждают! Я покажу им, как распоряжаются премиями коммунисты, особенно русские коммунисты. И я, и Мария Петровна не тряпичники, и мы твёрдо решили: если присудят Ноб[елевскую] премию – каблуками перед шведским королём я щёлкну, а всю премию передам моему родному правительству и партии, которой я всем обязан, и попрошу построить дом для сирот и присвоить ему имя Вл[адимира] Ильича, который любил детей и больше всех сделал для их будущности. Ведь Вы же, мой дорогой и далёкий друг, не хуже меня понимаете, что нет для меня на свете ничего дороже, чем уважение товарищей и народа, и поступить иначе я не могу. Против совести не пойдёшь.

В этом свете мне хочется сказать и о другом: высоко держу звание советского человека, ни лишнего слова, ни лишнего глотка. Почти полный сухой закон! На приёмах, где пьют много и долго, разрешаю себе только одну рюмку коньяка и – баста! Так что пусть никто из вас обо мне не беспокоится. Да и не только на приёмах. Что-то я охладел к этому “развлечению”. Как видно, года не те и “нарзан не тот”.

На пароходе из Хельсинки я торчал на палубе и простудился. Четыре дня провалялся, не выходя из дома, но наши врачи русскими лекарст[вами] поставили меня на ноги, и завтра еду смотреть фермеров, километров за 300 от Стокгольма. Вообще, до 11-го, когда тронусь в Норвегию, хочу много поездить по стране, доберусь почти до г. Мальме (650 км), куда приглашает меня старик-швед – мой почитатель и богатый фермер. Попутно ознакомились с десятком других х-ств. По этому поводу уже есть договорённость с швед[ским] министром с/х-ства.

В отношении средств, отпущенных мне на покупку охотничьего и рыб[о]ловного снаряжения, обстоит так: у вас там не учли многих и важных обстоятельств. Прикинули стоимость оружия, но не учли стоимости оптических прицелов, их монтажа и стоимости патронов. В Москве нельзя достать патронов для “Винчестера”, их надо закупать здесь и не на один сезон. А патроны каждый стоит больше кроны. Короче говоря, как я ни экономлю, но мне – несмотря на досылку 3000 крон – снова не хватает 2–2 ^{1/2} тысяч крон. И это при условии, что на свои личные, бытовые нужды, а не охотничьи, я израсходовал около 3000 тысяч крон[.] полученных во Внешторгбанке с моего счёта по разрешению М-ства финансов СССР.

Пока я ещё не в состоянии приобрести себе здесь даже охотничьих сапог, всё ухлопано на оружие, и закупил только половину необходимого количества патронов.

Очень прошу Вас, дорогой Дмитрий Васильевич, позвонить послу в Стокгольме Гусеву Ф. Т., чтобы он отпустил мне дополнительно 2500 крон. На этом все мои покупки будут закончены, и я сумею привезти подарки друзьям. Без подарков не привык ездить из Казахстана, не могу без них приехать и из Швеции.

Осенью в Стокгольме снова выходит большим тиражом “Тихий Дон”, и тогда я сумею уплатить Вам затраченные на меня деньги. А то, что мне полагалось получить здесь за прежние издания (около 15000 крон), давно переведено в “Международную книгу” в Москву и исчислено... в советских рублях.

Гусеву прошу позвонить поскорее (из Москвы это очень легко сделать), чтобы до отъезда в Норвегию я сумел завершить свою охотничью экипировку. А в Норвегии и Дании никаких затрат у меня не будет.

Крепко Вас обнимаю!

Ваш М. Шолохов.

Р. S.: Передайте от меня и М[арии] П. [етровны] сердечный привет Марии Георгиевне, Тамаре с мужем и Вове с женой. Привет Кабашкину, Петухову и всем моим друзьям у вас. Скучаю по цековскому чаю. Здесь он хуже, не тот.

М. Ш.

Последнее письмо написано знаменитым писателем в Стокгольме в 1957 году – уже тогда, как видим, открыто говорилось о возможности присуждения Шолохову Нобелевской премии. Но на самом деле случится это ещё не скоро – только 8 лет спустя, в 1965 году, когда Михаил Александрович отметит уже своё 60-летие...

Вот таким ценнейшим эпистолярным кладом обладает вятский архив.

Остаётся добавить, что сообщение о хранящихся в ЦГАКО уникальных документах, связанных с именем знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова, отправлено в Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), а электронные копии документов предоставлены Государственному музею-заповеднику Шолохова в станице Вёшенской Ростовской области.